

Это случилось ровно 170 лет назад, летом 1825 года. Стало быть, отмечаемая в эти дни некруглая пушкинская дата — 196 лет со дня рождения — таит в себе и одну круглую.

Пушкин, как известно, обесмертил не только свое собственное имя, но также имена тех, чьи судьбы соприкоснулись с его судьбой. Вот и к могиле старой женщины на погосте села Прутья, что под Торжком, постоянно совершают паломничества, и не поодиночке, а целыми экскурсионными группами. Изданы ее дневники, как ранние, что строчила для отдохновения двадцатилетняя красавица (он так и назывался: «Дневник для отдохновения»), так и зрелых лет, писанные шестидесятилетней матроной. Бережно хранятся и ее письма, и письма близких. Публикуются ее портреты, как достоверные (этих сохранилось всего два, причем один из них — вырезанный из черной бумаги силуэт), так и предполагаемые. Фотографии ее мужей — и первого, и второго — тоже печатаются, и люди внимательно всматриваются в них, пытаясь мысленно оживить образы этих ничем в общем-то не примечательных личностей.

Что же такого выдающегося совершила эта женщина? А ничего! Выданная неполных семнадцати лет за генерала, который был втрое старше ее, рожала ему детей, влюблялась в молодых офицеров, боготворила императора Александра Павловича и в восемьдесят без малого лет тихо почил раба Божия А.П.Маркова-Виноградская, в девичестве Полторацкая.

Кому говорят что-либо эти фамилии? Мало кому... Но в промежутках между девической и той, с которой эта женщина ушла из жизни, она носила еще одну фамилию, по первому мужу, генералу, и уж ее-то на Руси знают все: Керн, Анна Керн...

В начале 1819 года ровесница века юная генеральша ненадолго приехала с мужем в северную столицу. Здесь ее ввели в дом Олениных, один из самых блестящих домов тогдашнего Петербурга. Сам Иван Андреевич Крылов удостаивал его своим присутствием и даже время от времени, удобно расположившись в кресле, почтывал басни.

Генеральша слушала, затаив дыхание и не замечая ничего вокруг. А вот ее заметили. На нее смотрели не отрываясь. Потом завязался отвлеченный разговор и была высказана кощунственная мысль, что ад, дескать, населен хорошенькими женщинами. «Спроси у мадам Керн, хотела бы она попасть в ад?»

Мадам Керн скользнула по наглецу взглядом. «В ад не желаю», — произнесла она сухо.

Таковы были первые слова,

сказанные ею Пушкину. Тот ничуть не смутился и заверил, что раз так, он тоже отказывается от ада, хотя по-прежнему убежден, что прелестных женщин там прорва.

Чем закончилась встреча с Пушкиным в доме Олениных? Ничем — оба вскоре отправились в ссылку: он — в свою, на юг, под видом служебного перемещения, она — в свою, в гарнизон, которым командовал муж.

УРОКИ ЛЮБВИ

Он помнил чудное мгновение

Александр Пушкин и Анна Керн: история встреч и расставаний

В 1824 году супруги Керн жили на Полтавщине, в местечке Лубны, а Пушкин в Михайловском, откуда до Тригорского рукой подать. Здесь-то, дабы доставить удовольствие поэту, родственники Анны прочли ему однажды то место из письма полтавской затворницы, где речь шла о его стихах.

Пушкин был польщен и слегка заинтригован. «Объясни мне, — срочно запрашивает он поэта Родзянко, товарища по литературному обществу «Зеленая лампа», а ныне добропорядочного помещика, соседа его новоявленной поклонницы, — объясни мне, милый, что такое А.П.Керн, которая написала много нежностей обо мне своей кузине».

Что такое Анна Петровна Керн? А как же знаменитое, что ему-де «звучал... голос нежный и снились милые черты»?

Ну звучал... Ну снились... А потом, надо думать, перестали — пять лет все-таки срок немалый. Вот и просил «украинского мудреца», как торжественно именовал Родзянко будущий автор «Полтавы», описать свою очаровательную соседку.

«Украинский мудрец» описал — и описал не без озорства, да еще с ее собственной помощью (шалунья то и дело выхватывала перо из его рук), а скоро Пушкин получил неожиданную и счастливую возможность лицезреть ее лично.

Анна Керн гостила у своих родственников Вульффов в Тригорском, где однажды во время обеда раздался далекий лай собак, который быстро приближался, и скоро в столовую стремительно вошел господин «с большой, толстой палкой в руках».

Любимец муз нагрянул из Михайловского в сопровождении огромных волкодавов. «Тетушка, подле которой я сидела, — вспоминала впоследствии полтавская гостья, — мне его представила, он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость видна была в его движениях».

Так вот, стало быть, когда произошло их официальное знакомство — через шесть лет после мимолетной встречи в доме Олениных! «Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили». Это после недавней

живал, нежели сидел за столом, все — и гости, и хозяйка — отправились в двух экипажах из Тригорского в Михайловское. «Погода была чудесная, — вспоминает обладательница «гондольерского речитатива», — лунная... ночь дышала прохладой и ароматом полей».

После полуночи вернулись домой: на другой день обе кузины — Анна Вульф и Анна Керн — уезжали в Ригу. Встали поздно и не успели еще отзавтракать, как послышался приближающийся лай собак, — он всегда являлся в их сопровождении.

Он и в дальнейшем строчил письма, адресуясь то тетушке ее, то опять же сестре, но предназначая их для взгляда очаровательной генеральши. Знал великий сердцевед, как действует на женщину не прямо сказанное слово. Но и прямым не гнушался.

«Надеюсь, вы прочтете это письмо тайком — спрячете ли вы его у себя на груди? Ответите ли мне длинным посланием? Пишите мне обо всем, что придет вам в голову, — заклинаю вас. Если вы опасаетесь моей нескромности, если не хотите компрометировать себя,

Удрала! Не к нему в Михайловское — туда она так и не приехала, но удрала. Этого не ожидал даже он. А вот она еще в «Дневнике для отдохновения» мечтала убежать «куда глаза глядят, только бы избавиться от этого несчастья — разделять судьбу с таким грубым, неотесанным человеком».

Но мало ли о чем мечтают в двадцать лет! Мало ли, какие планы вынашивают в уединении сумбузные девицы — редко у кого из них хватает духу планы эти осуществить.

У Анны Керн духу достало. И духу, и отваги, и истине пушкинского безрассудства. У них вообще было много общего. «Сходство характеров, — констатировал поэт, — ненависть к преградам, сильно развитый орган полета».

Полет был сладостным. А приземление — ужасным. Оглядевшись, несчастная обнаружила, что осталась без средств к существованию: генерал содержать беглянку отказался. Не помогло даже вмешательство государя — воюка ответил на высочайший запрос, что жена-де «предалась блудной жизни, увлеклась совершенно преступными страстями своими».

Делать нечего, пришлось самой зарабатывать на хлеб насущный. Вычитывала корректуры, переводила с французского — за этими неженскими трудами и застал «гения чистой красоты» вернувшийся из михайловского заточения Пушкин.

Ах, как она ждала его! Как нетерпеливо считала денки до его возвращения! «Анна Петровна находилась в упоении радости от приезда поэта А.С.Пушкина, — записывает в дневнике один из современников. — Накануне она целый день провела у его отца и не находила слов для выражения своего восхищения».

Поэт А.С.Пушкин отвечал любовью, но не больше. Она была свободна — наконец-то свободна! — а он не искал больше встреч наедине. Другая женщина кружила сердце и голову. У прежней остались лишь его письма. Она перечитывала их бесцельное число раз, она не расставалась с ними ни на минуту — даже выходя из дому, клала, на всякий случай, в сумочку. А потом... Потом, после гибели поэта, продала, под угрозой голода, по пятерке за штуку.

Что же касается сложного четвертого листка, который красавица генеральша извлекла летним утром из неразрезанных листов «Евгения Онегина», то она вручила его композитору Глинке, а композитор Глинка, рассеянный, как все великие люди, листок потерял. Зато романс, сочиненный им на бессмертные стихи, сделался тоже бессмертен. Как и имя той, кому стихи эти посвящены.

Руслан КИРЕЕВ.

Прод. — 1995. — 2 июня.

Пушкин А.С.

2.6.95.